

Городские портреты

Предисловие

Мир состоит из городов.

Беспорядочно разбросанные между ними леса, поля, реки, горы, океаны, планеты, звезды и галактики являются всего лишь декорацией, на фоне которой происходит главное.

Первая изобретенная человечеством машина, город создает цивилизацию из варварства, устанавливая границу между ними.

Изобретение дома ведет к установлению границы между "я" и "они" и к появлению человека. Изобретение города — к установлению границы между "мы" и "они" и к появлению человечества.

Лучшими из первых являются великие города.

Каждый знает их с детства, вне зависимости от времени и места рождения.

Париж, Лондон, Рим.

Амстердам, Стамбул, Гамбург.

Иерусалим, Сидней, Прага.

Каждый видел картинки с изображениями Колизея, Биг-Бена и Эйфелевой башни. Глядя на них, не всегда можно понять, в чем тут дело.

Пыльные, плоские и одинаковые, они говорят о своих городах не больше, чем фотография Земли из космоса говорит о строении земного ядра.

Поскольку классики учат, что главные картинки — те, которых не видно глазами, а классики не ошибаются.

Ну что ж, доверимся внутренним органам.

Посмотрим на то, чего не видно глазами — непонятные ощущения, неоткрытые законы, неслучайные связи, тонкое устройство Вселенной. Откроем альбом с такими картинками. Войдем в город.

Италия, Рим

Система элементов

Не будем оспаривать очевидное.

Менделеев заблуждался, и система химических элементов никогда не была универсальной.

Это особенно заметно в Италии.

Самый легкий элемент здесь — воздух, и никому нет дела до водорода. Воздух составляет основу всего остального, и все, что угодно, можно получить путем его слияния с чем-то другим. Например, запах крепкого кофе легко получается при взаимодействии воздуха с горячим эспрессо,

а запах южного солнца — при взаимодействии воздуха с морем, песком, пылью и самим солнцем.

Чтобы убедиться в первичности итальянского воздуха, достаточно выйти вечером жаркого июльского дня на площадь Навона и сделать глубокий вдох. Присутствие в легких всех элементов Италии является убедительным доказательством вышесказанного.

Следующий по легкости элемент — это вино. Вино здесь имеет красный цвет и является почти таким же легким, как воздух. Особая легкость вина приводит к его повсеместному употреблению в больших количествах, что, тем не менее, не приводит к алкоголизму, поскольку, потребляя вино, местные жители перестают быть доступными для всех земных болезней, унесенные неизвестно куда легчайшим темно-красным напитком.

Итальянский сыр ненамного тяжелее вина и охотно соединяется с ним, а также со свежим хлебом. Взятые вместе, вино, хлеб и сыр оказывают неопишное воздействие на того, кто это продельвает, и образуют основу Италии, которая почему-то принимает замысловатый, но уже не удивляющий экспериментатора вид наклоненного сапога с каблуком.

Следующий элемент — вода — в Италии тоже отличается своеобразием и чаще всего имеет форму пластиковых бутылок, фонтанов на главных площадях, речных берегов и морских побережий.

Тяжелые элементы Италии — это мрамор, черепица и камни. Мрамор здесь может принимать любые формы, которые при наличии у скульптора таланта — то есть практически всегда — вступают в серьезный конфликт с геологической наукой. Камни образуют воздушные границы Италии — стены Колизея, мосты Тибра, капеллы Ватикана — и являются самым долгоживущим элементом. Малоизвестная проходная черепица представляет собой главный элемент итальянских городов с точки зрения воздухоплавателей и жителей внеземных цивилизаций.

Соединившись с красками — пастельными, чаще всего желтоватыми, розоватыми и зеленоватыми, размытыми течением времени — мрамор, черепица и камни образуют соборы, галереи, кафе и другие архитектурные памятники, включая самый благородный элемент страны — палаццо.

Из которых, в свою очередь, образуются улицы, города и вся Италия, ярко освещенная вечным средиземноморским солнцем.

Образуя теплый итальянский воздух, солнце замыкает круг.

Италия оказывается состоящей из воздуха, вина, сыра, хлеба, воды, мрамора, черепицы, камней, красок и солнца.

Система элементов Италии становится совершенной, приобретая принципиальное отличие от неоконченной работы Менделеева.

Венеция

В лучах заходящего солнца

Есть города, родившись в которых, нельзя умереть.

И есть города, не родившись в которых, не умереть невозможно. Иногда они совпадают.

Это не означает, что можно жить вечно.

Можно только вечно отражаться в стеклах рыбацкого квартала Каннареджо, угасая в лучах заходящего солнца, но так никогда и не угаснув.

Или ежеминутно выплескиваться на набережную у отеля "Даниэли" зеленой морской водой, оставляя лужи на тротуаре и забрызгивая влюбленных.

Или взлетать над площадью Сан-Марко тончайшими звуками скрипки, растворяясь в горячем вечернем воздухе и оставаясь там навсегда бесконечной реверберацией струн.

Только ради одного этого уже можно было бы умереть. Было бы можно, если бы только было.

Поэтому остается только умирать каждый раз, когда поезд, невозвратно набирая ход, выскакивает на тонкую ленту насыпи и навсегда оставляет в прошлом узкие улицы Санта-Кроче и тесные площади Каstellо.

Каждый, кто хотя бы раз интересовался возможностью вечной жизни, знает: этот единственный город — Венеция.

Портофино

Коллекционер

Его коллекция аккуратно разложена по полочкам, пронумерована и подписана. Это самая полная коллекция морских, речных, озерных и прочих купаний, известная человечеству.

Морские купания составляют основу коллекции. Здесь есть известные всем купания в Ялте на переполненном городском пляже под набережной; освежающие купания на закрытом пляже гостиницы „Жемчужина" в Сочи жарким июльским днем; ночные купания в Одессе в августовскую жару, которые лучше всего разглядывать в темноте, потому что они светятся слабыми серебристыми огоньками; скольжение на длинном кон-

це за крейсерской яхтой в пяти километрах от берега; прыжки с пирса в компании друзей-девятиклассников на пляже "Отрада", которые нужно открывать осторожно, чтобы в лицо не попали высоко взлетающие брызги; отдираание мидий от камней на глубине двух-трех метров в акватории яхт-клуба, вода в банке чуть-чуть розовая от изрезанных пальцев; бесконечное бултыхание на мелководье в не по сезону теплой воде Адриатики у песчаной косы, защищающей Венецию с моря; осторожное подплывание к наполовину ушедшему под воду и насквозь проржавевшему траулеру, застрявшему на мели у южной оконечности Кинбурнской косы; бесконечно долгий, грозящий никогда не окончиться проплыв баттерфляем через правильный круг Бандольского залива недалеко от Марселя; неправдоподобно летние купания в Римини ранней весной; ни с чем не сравнимые майские купания на полупустом "Ланжероне" в чистой, прозрачной, прохладной воде; изнурительные попытки погрузиться в воду Джарыльгачского залива на глубине сорока сантиметров в двухстах метрах от берега; ленивое покачивание на древних волнах Эгейского, Мраморного и Тирренского морей возле Афин, Стамбула и Виареджо; невыносимо медленное вхождение в постоянно ледяную воду как Северного, так и Балтийского морей на всегда пронзительном ветру в равном удалении от Гамбурга; обжигающе-холодные зимние купания на "Дельфине" среди тонких, тяжелых льдин, от которых стекло всегда покрыто инеем; невероятно теплые купания на Балеарских островах в конце октября, когда Северная Европа уже давно перешла на пальто, безнадежно залитая дождями, или в Сиднее в январе под невозможно безоблачным небом, когда все друзья уже уехали в Альпы, Роки-Маунтинс или Гарц кататься на лыжах.

В центре коллекции, аккуратно обложено ватой и укрепленное на тяжелой подставке — единственное в жизни купание в Портофино, ночью, под звездами, у круто спускающихся к заливу гор; желтые огни на месте домов, черные линии на месте волн, светлые пятна на месте купальника, и нужно выключить свет и подсветить фонариком, чтобы хоть что-нибудь разглядеть, а когда все-таки разглядеть, выключить фонарик и посидеть несколько минут в темноте, умирая от зависти.

Океанские купания сложены отдельно, чтобы ни в коем случае не спутать их с морскими ввиду совершенной невозможности этого, понятной даже неспециалистам. Тут можно найти такие интересные образцы, как отчаянное катание на огромных волнах вблизи мексиканской границы недалеко от Сан-Диего; героическое впрыгивание на несколько секунд в ледяную воду Авачинской бухты; блаженное колыхание в соленой воде на

широком пляже Брайтон-Бич рядом с застывшими на десятилетия ржавыми аттракционами Конни-Айленд; июньские купания в Атлантике недалеко от Кадиса на свежем океанском ветру; июльские купания в Па-де-Кале во время десятиметрового прилива, которые в остальное время нужно разглядывать в увеличительное стекло; летние купания в Массачусетсе, зимние купания во Флориде, круглогодичные купания на Копакабана.

Речные купания занимают несколько нижних полок. Здесь тоже много любопытного — например, купания в Москве-реке в Серебряном бору, в Сейме под Курском, в Днестре на Каролино-Бугазе, утренние купания в Днепре под Кременчугом, вечерние купания в Оке у Серпухова, ночные купания в Оби под Сургутом, осторожные окунания в Эльбу, Камчатку и Рейн, самозабвенные плавания по Роси, Амуру и Миссисипи.

Хотя он сам понимает, что это уже не так интересно. В общем, его коллекция уникальна.

Но, пожалуй, даже не столько своей полнотой, сколько тем, что он — единственный из всех обладателей подобных коллекций, кто знает, что воспоминания о прошлом не менее реальны, чем само прошлое, а может быть, даже более, поскольку прошлое давно прошло, а воспоминания о нем до сих пор существуют.

Но только до тех пор, пока о прошлом кто-нибудь помнит.

Зная это, он с легким сердцем оставляет свою коллекцию друзьям, родственникам и государству.

Поскольку твердо уверен, что даже если друзья поссорятся с родственниками, родственники с государством, а отдельные экземпляры потускнеют от времени и поблекнут с годами — что неизбежно случается с любым, даже самым уникальным собранием — его коллекция все равно будет существовать ровно столько, сколько будет находиться хоть в чьем-нибудь владении.

Коллекция его купаний, которые он сам совершил.

Франция, Париж

Государственный гимн

Если ходить, так в Лувр.

Если гулять, так в Тюильри.

Если ехать, так в Версаль.

Если стоять, так перед Эйфелевой башней.

Если есть, так "Камамбер".

Если пить, так "Бордо".

Если засыпать, так в Люксембургском саду.

Если просыпаться, так на Больших Бульварах.

Если смотреть, так с Монмартра.

Если слушать, так Равеля.

Если покупать, так в "Самаритэн".

Если продавать, так на набережной Сены.

Если одевать, так от Кардена.

Если снимать, так в Латинском квартале.

Если сидеть, так в "Ротонде".

Если лежать, так на Пер-Лашез.

Если любить, так парижанку.

Если ненавидеть, так рантье.

Если умирать, так с Эдит Пиаф.

Если жить, так на Монпарнасе.

Сен-Тропе

Несколько секунд счастья

Кафе на набережной, круглые столики, плетеные стулья, красное вино, прогулка вдоль моря, случайные касания рук, тонкий запах "Шанели", дорогой отель — ритмичные движения, учащенное дыхание, вскрики, несколько секунд счастья.

Ресторан у воды, открытые окна, огни на том берегу, белое вино, сигара на террасе, рука на талии, тонкий запах "Диора", звезды над головой — ритмичные движения, учащенное дыхание, вскрики, несколько секунд счастья.

Бар в старом городе, негромкая музыка, свеча на столе, двойной "Дайкири", узкие улицы, лицо в руках, тонкий запах "Голтье", цветы в темноте — ритмичные движения, учащенное дыхание, вскрики, несколько секунд счастья.

Пляж на острове, теплый песок, плеск волн, джин-тоник, ночной бриз, рука на плече, тонкий запах "Гуччи", музыка вдалеке — ритмичные движения, учащенное дыхание, вскрики, несколько секунд счастья.

Тропинка в горах, солнце в зените, море у горизонта, ледяное пиво, тень под пиниями, рука на руке, тонкий запах "Армани", камешки под спиной — ритмичные движения, учащенное дыхание, вскрики, несколько секунд счастья.

Тысячам элегантно одетых мужчин и женщин не остается никакого выбора, кроме этого.

Усиленное потреблением алкоголя в небольших количествах и изысканных формах, стремление к прекрасному наконец совпадает со стремлением друг к другу.

Жизнь приобретает изначальный, существовавший до разделения души и тела, смысл, состоящий в занятии правильной позиции внутри единственно возможной Вселенной и абсолютном слиянии с ней.

Тем самым объясняя чрезмерно высокие, по мнению дилетантов, цены на жилье в этих местах и невиданный наплыв туристов со всего мира.

Тулуза

Мой портфель

Все, что мне нужно, у меня всегда с собой в портфеле. Журнал — я люблю читать журналы; последний номер "Time" или "Знамя"; книжка; стихи, Ратушинская, Гумилев или Рейн, или проза, Аксенов, Кортасар или Фаулз; компакт-диск, Городницкий, Элла Фитцджеральд, Шопен или "Beatles", вместе с плеером; карандаш, ручка, запасные стержни, календарь-ежедневник, записная книжка; темные очки, утренняя газета, распечатка последних e-mails; фотография сына в Одессе на руках у отца; notebook со всеми текстами, пачка чистой бумаги, неоконченные сценарии, копии недочитанных статей; бутылка кьянти, сыр "Gouda extra alt" на деревянной дощечке, свежезажаренные сардины, разрезанный на дольки помидор; бутылка "Ballantines", два маленьких стаканчика, лед; полукеды, плавки, шорты, старый футбольный мяч, купальное полотенце; мокрая галька, очень горячий песок, море, которое в шторм иногда проливается наружу; легкая рубашка, белые брюки, летние туфли, несколько футболок; элегантные стихи и неприличные фотографии жены; рисунки сына; фотоаппарат, GSM-телефон, FM-радио, маленький телевизор "Sony"; черная бабочка, смокинг, белая рубашка для сцены, дорожный уют, черные туфли, крем для обуви, сценическая папка с текстами; зубная щетка, паста, бритва "Gillette", туалетная вода "Gucci Envy"; оттиски последних статей, план доклада, слайды, лазерный принтер, результаты последних экспериментов; толстый свитер, яркая лыжная куртка, горные лыжи с ботинками, шерстяные носки, вязаная шапочка, перчатки; гитара, набор запасных струн; широкие листья винограда, колючие кусты крыжовника, лопающиеся в руках ягоды малины, гладкие блестящие кашта-

ны, сухие шарики платанов, акации, цветущие в темноте портфеля неожиданно выбивающимся из бокового отделения тягучим, густым ароматом; старый деревянный дом на берегу моря, внезапно начинающий скрипеть посреди какого-нибудь заседания, если поднимается ветер; забытый до отъезда сорокатысячный стадион, шум которого удивляет пассажиров, если в момент, когда "Черноморец" забивает гол, я еду в метро или автобусе; огни кораблей на внешнем рейде; погруженный в темноту ночного пляжа костер с иногда выскакивающими из-под замка язычками пламени, которые пугают прохожих на неосвещенных вечерних улицах; маленький школьный двор, здание университета, актовый зал, тесные кулисы, сцена; гостиницы разных городов, самолеты "Аэрофлота", ослепительные прожектора, черные, хохочущие в темноте, залы; чистые лабораторные столы, пипетки, пробирки, эксперименты, приборы, сумасшедшее ощущение новизны; клюшки, истертые теннисные мячики, роликовые коньки, самодельные деревянные ворота; далекий северный город, блестящий на солнце снег, белоснежные сопки, резкие линии берез над синей плоскостью бухты; настольный хоккей, чтение "Доктора Айболита" на ночь, родительские собрания, колыбельные, бассейн по выходным, футбол вдвоем на красном песчаном поле; синее небо Италии, зеленые холмы Сиднея, округлые заливы Côte d'Azur; прямые авеню Нью-Йорка, светлые бульвары Парижа, темные огни Амстердама; поцелуи в кино, робкие касания друг друга, закрытые на зиму дачи, лихорадочное расстегивание чего-то, постель, гладкость и белизна кожи; мягкий свет ночника, странные сочетания тел, медленные женские стоны — о, эти стоны, они иногда на самом деле смущают меня, когда неожиданно раздаются посреди ночи в нашей семейной спальне; початая бутылка коньяка, покрытый клеенкой стол, блюдец с лимоном, невозможная близость разговора; бокал вина, маленький столик, неяркий свет, нежность чужого языка.

Ты много раз видела мой портфель — я всегда ношу его с собой, — но еще никогда не заглядывала туда. Попробуй, не бойся; я не буду сердиться, я уже привык к тебе; осторожно, чтобы тебя не забрызгала набегающая волна и не сбил с ног футбольный мяч, открой его, загляни внутрь, и вот увидишь, тогда ты наконец полюбишь меня.

Париж